

СПЕЦНАЗ
ИВАНА
ГРОЗНОГО

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

НОГАЙСКАЯ
ОРДА



МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Ногайская орда / Александр Тамоников. — Москва :
Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101701-9

Лето 1564 года. В Москву тайно пробирается мурза ногайской орды, желающий перейти на сторону московского государя. В доказательство своей преданности перебежчик сообщил, что один из его соседей собирается напасть на пограничные русские земли. Царь Иван Грозный возмущен наглостью ногайцев. Он приказывает князю Дмитрию Савельеву и его дружине нанести упреждающий удар. Отряд Савельева выдвигается к границам мятежного улуса. Остается последний бросок. Но в этот момент князь неожиданно узнает об истинном положении дел. Оказывается, коварный набег готовит не сосед, а тот, кто навязывается Москве в друзья. Обман и предательство налицо. Спасти ситуацию может только чудо или... военный талант Савельева.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101701-9

© Тамоников А.А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

*Деревня Тихомировка в Подмосковье,
менее чем в тридцати верстах
от столицы русского государства,
середина июня 1564 года
от Рождества Христова*

Ночь выдалась теплая, ясная. Деревня спала, только сторожевой пес бродил по единственной улице, идущей от дороги до околицы у леса.

На подворье князя Аркадия Дмитриевича Лапери́на, вотчиной которого и являлась деревня, тоже было тихо. Всей охраны — аж один человек, сторож на башенке у ворот. Он отчаянно зевал, глядя на звездное небо и дивясь его красоте.

В нижних сенях княжеского дома за столом сидели управитель Богдан Табачник, старший охраны Данила Магоня и холоп Гришка Чибис. Он имел за двором собственную лачугу, в которой проживал с женой и сыном. У Табачника и Маго́ни тоже были свои дворы, побольше. Они примыкали к городьбе прямо у леса.

Жена Табачника померла в прошлом году вроде бы от огненной хвори, но люди поговаривали, что Мария отдала Богу душу после того, как Табачник зверски избил ее, что делал не раз. Но следствия чинить никто не стал. Померла — так померла, обычное дело.

Молодая жена сбежала от Магони месяц назад. Она была выдана за него поневоле и не стала терпеть этого слюнявого и прыщавого мужика. В это же время куда-то подевался и бобыль по имени Юрий, проживавший в соседнем селе Зимино. Народ решил, что мужик и баба снюхались да подались в дальние земли от хозяина и мужа.

Магоня не особо печалился по поводу исчезновения Марии. Он тут же привел в дом помощницу стряпухи, привезенную в Тихомировку из Москвы. Девка Зара была сиротой. Князь Лаперин подобрал бедняжку в торговых рядах, пожалел, пригрел в вотчине, а Магоня подмял ее. Зара, конечно, не желала для себя такого удела, но поделаться ничего не могла. Допустим, пожаловалась бы она князю Аркадию Дмитриевичу, и тот наказал бы старшего своей стражи. Ну а потом-то что? Ведь Магоня наверняка отыгрался бы на ней так, что ее унесли бы на погост да похоронили рядом с Марией Табачник. Девка терпела.

В каморке мерцала дешевая сальная свеча, то разгоралась, то почти затухала. Над язычком пламени поднималась тонкая нитка черного дымка. Но света вполне хватало.

— Не пора ли?.. — спросил Гришка Чибис.

— Выйди стороною, будто до отхожего места, да погляди, где сторожа, чего делает на башенке Дубарь, — велел ему управитель.

— Угу.

— Ты разденься, иди в исподнем, словно только сейчас проснулся.

— Уразумел, Богдан.

Холоп Чибис разделся и тихо вышел в сени.

Отсутствовал он недолго, вскоре вернулся и доложил:

— Семен Гульян да Борис Шуба в комнатенке своей у нижнего крыльца. Я подошел к двери, открыл, посмотрел, послушал. Спят, похрапывают. Алешка Дубарь на башне, глядит туда-сюда. Меня увидел, спросил, чего это я брожу. Я ему, приспичило, мол, в брюхе резь и охота до ветру нестерпимая. Он, пес, заржал. Теперь, дескать, ты, бедолага, до самого утра бегать будешь. Я за угол, к отхожему месту, присел, посидел малость, пошел в обрат. А Леха опять ржет. Полегчало, мол?..

Табачник хлопнул ладонью по столу и заявил:

— Хватит! Ты всю ночь собрался рассказывать нам о пустой болтовне с этим пустым Лехой?

— Ты же наказал, Богдан, я исполнил.

Табачник поглядел на холопа и проговорил:

— Гриша, так Дубарь, стало быть, сказал, что ты всю ночь бегать будешь?

— Ага.

— Вот это хорошо, самое то, что нам и нужно, — сказал Табачник и достал из кармана штанов резак для работы по дереву.

Он выкрал его днем из комнатенки, в которой жил Алешка Дубарь. Тот был большим любителем этого дела. Когда выдавалось время, он вырезал разные игрушки, свистки и раздавал их местной детворе.

— И что? — не понял Чибис.

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

— Пустая твоя башка! Посидишь тут немного и опять побежишь в отхожее место. А по пути с Дубарем и справишься.

Чибис повертел в руках резак со сломанной ручкой и проговорил:

— И как Лешка умудряется этой штуковиной чего-то делать? Ведь из простого полена нарежет и медведей, и птиц, и свистков.

— Да, умелец. Но это вот мастерство и погубит его. Ты все уразумел?

— Да.

— Ну а как покончишь во дворе и оттащишь тело за баню, возьмемся за сторожей.

Магоня почесал загривок и сказал:

— Эх, мутное дело задумал ты, Богдан. Выгорит ли?

— Выгорит, коли слушаться меня будете.

— Маловато нас.

— Каждому больше достанется, — заявил Табачник, повернулся к Чибису и приказал: — Пошел!

Холоп в одном исподнем вышел в сени, оттуда во двор.

Завидев его, Дубарь рассмеялся и заявил:

— Ну вот! Правильно я говорил. До самого утра бегать тебе придется, Гришка, покуда знахарь наш не проснется.

— Грех тебе смеяться над бедой товарища.

— Велика беда! Шей надо было меньше есть.

Чибис ничего на это не ответил, забежал за угол, посидел недолго у отхожего места, достал из-за пазухи резак, с ним вышел во двор и услышал:

— С облегчением тебя, Гришка.

— Я-то ладно, побегаю, да и пройдет, а вот как ты теперь игрушки свои резать будешь?

Дубарь оборвал смех и спросил:

— А чего?..

Чибис показал ему резак.

Было темно, но Алешка разглядел свой инструмент и произнес:

— А я-то думал, что он где-то в комнате затерялся, после службы хотел поискать.

— Твоя драгоценность возле отхожего места валялась.

— Ай, спасибо, Гриша.

— За тобой теперь долг.

— Самой собой. Давай резак. Я как сменюсь, новую ручку к нему смастерю.

Чибис усмехнулся и заявил:

— Ага! Охота мне к тебе на башню лезть. Спускайся сам.

— Да ты кинь, я поймаю.

— Кину сейчас в отхожее место.

— Ладно, иду. — Дубарь спустился с башни, забрал резак. — Хорошо, что инструмент нашелся. Успею к приезду господ для княгини подарочек сделать.

— Что за подарок?

— Просила она меня сокола ей вырезать. Я древо подходящее нашел, теперь... — Договорить он не успел.

Острый нож вонзился ему прямо в сердце.

Дубарь с изумлением взглянул на Чибиса, попытался что-то сказать, но глаза его начала за-

волакивать пелена. Он дернулся и упал в ноги убийцы.

Чибис выдернул клинок, вытер о штаны покойника, взял его за ноги и оттащил за баню. Он вернулся, посмотрел, кровавого следа не увидел, но подумал, что смотреть надо будет позже, как просветлеет. Сейчас, в темноте, можно и не заметить.

Чибис вышел к дому, в дверях которого стоял Табачник, поднял голову и провел рукой по горлу. Управитель кивнул и скрылся в сенях. За ним прошел в дом холоп. Устроились в комнатенке.

Чибис прилег на нары.

— Ты чего это, Гришка? — спросил Табачник.

— Ничего. Я свое дело сделал. До рассвета поспать можно.

— А башенка?

— Что башенка?

— Вдруг кто из мужиков соседних пойдет к отхожему месту, посмотрит на подворье и не увидит сторожа?

— Да кому надо по сторонам глядеть?

— Нет, в нашем деле никак нельзя допускать даже мелких промахов. А если кто увидит и утром расскажет другим? Так вот и дойдет до князя, что на башенке ночью почему-то никого не было. Всякое может случиться, Гришка. Посему одевайся и лезь туда.

— И что, мне так до утра и торчать там?

— У тебя будет время выспаться, коли все пойдет по-нашему. Сашке Тугину у монастыря несколько не легче.

— Он-то хоть поспать может.

— Не может! Нет у него такого права. Он за дорогой и монастырем смотреть должен. Или ты не желаешь получить деньги и уйти с ними в чужие земли? Так скажи. Я освобожу тебя.

Чибис покосился на Табачника и пробубнил:

— Да, ты освободишь. Мигом на тот свет меня отправишь.

— Хорошо, что ты это разумеешь. Исполниай наказ.

Чибис тяжело вздохнул, вышел из дома и занял место Дубаря на башне.

Табачник и Магоня прилегли на нары.

Встали они на рассвете, покуда деревня еще не ожила, тщательно убрали все следы своих преступных деяний.

Магоня осмотрелся и спросил управителя:

— Так ты мыслишь, Богдан, что стрелять ловчее с твоего двора?

— Да, из-за городьбы. Но только так, чтобы не пострадала семья князя. Иначе вся наша затея провалится. Лук и стрелы уже там, увидишь, как перелезешь, подле конюшни.

— Уразумел. А теперь чего делать?

— Жрать готовь.

— А может, Вальку, жену Чибиса заставим?

— Нечего ей в дела наши лезть.

— Все одно прознает, когда главное свершится.

— Ничего, она после этого долго не проживет, как и мужик ее, да и сын заодно.

Магоня посмотрел на управителя поместья и спросил:

— Так ты что же, решил и их всех под нож?

— А на что они нам сдались? Делиться только, а проку мало. Семейка Гришки мешаться будет. Особенно жена с сыном. Так что всех убираем, но только потом, как получим то, что нам требуется.

— Троих, значит, еще придется бить.

— И что? Вдвоем и прибьем! А вместе с ними еще и Сашка. Надо доводить дело до конца, не останавливаться ни перед чем.

— А потом ты избавишься и от меня? — осведомился Магоня и подозрительно посмотрел на Табачника.

— С ума спятил? Как я один уйду? — проговорил тот.

— Как только окажемся в чужих краях, ты меня сразу и прирежешь.

— Нет, Данила, ты мне нужен будешь и на чужбине. Одному там не выжить. Двоим можно. Так что мысли дурные из головы выкинь. Избавляются от того, что не нужно, а мы с тобой необходимы друг другу.

— Ладно, поглядим, как все сложится. Но не обижайся!.. Предупреждаю, что зарезать себя я не дам. Сам кого хочешь прибить могу.

— Да знаю и никакой обиды на тебя не держу. Солнце уже поднялось. Пора бы и позавтракать. Вари кашу.

Но делать этого Магоне не пришлось. На подворье появилась жена Чибиса Валентина с пяти-

летним сыном Алексеем. При ней был довольно большой узелок.

— Доброго утра вам, мужики.

— Доброго, Валюша. А ты никак харч мужу принесла?

— Для всех.

Чибис, по-прежнему находившийся на башенке, услышал ее и недовольно воскликнул:

— Почему для всех-то? Или ты богачкой стала?

— Так просо пропадает, еще немного, и совсем испортится.

— Поросенку скормила бы.

— Ему пока есть что давать.

Табачник почесал затылок и сказал:

— Что ты за человек такой, Гришка? Супружница твоя угостить нас захотела, а ты ее упрекаешь. За кашу я тебе заплачу.

— Это совсем другое дело. Харч главное, без него не проживешь. Грянет голод, и пропащее зерно в радость покажется. Так я спущусь, Богдан?

— Спускайся.

Валентина выставила на стол в летней кухне чугунок с кашей, хлеб, овощи.

— Кушайте на здоровье, люди добрые.

Чибис злобно посмотрел на нее и гаркнул:

— Выставила харч, да и проваливай отсюда! Нечего средь мужиков бабе делать.

— Да, конечно. Ты тогда чугунок принеси.

— Принесу.

Табачник тем временем потрепал сына Чибиса по шевелюре и спросил:

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

— Как дела, Лешка?

— Хорошо, — ответил малолетка и спрятался за юбкой матери.

— Ты не бойся, Лешка, тут тебя не обидят, — сказал Табачник, повернулся к Чибису и добавил: — Его к ребятам чаще пускать надо, а то нелюдимый он у вас.

— Мал еще. Ты обещал заплатить.

— Держи. — Богдан дал Чибису полушку, то есть четверть копейки.

Тот взял монету и проговорил:

— Мог бы и больше дать. Полкопейки хотя бы.

— Хватит с тебя и этого.

Валентина взяла платок, в который был завернут чугунок с кашей, и вместе с сыном ушла в свой двор.

Холопы князя Лаперина и управитель поместья, который был свободным человеком, сели трапезничать.

После завтрака Магоня ушел во двор Табачника, нашел лук, стрелы, выбрал место, откуда хорошо просматривались ворота и подворье за ними.

Чибис убрал посуду и сел на скамью перед крыльцом.

Неожиданно к воротам подлетел конь, и всадник начал стучать в створку.

Чибис поднялся, открыл ее.

Во двор въехал всадник.

— Сашка? Ты откуда?

— Оттуда! Где Богдан?

— Тут я. — Табачник вышел из-за угла дома. — Ты чего прискакал, Сашка?

— Так увидел повозку князя. При нем семейство, Гулян, Шуба и Бобрик. Они в Николо-Угрешскую обитель заехали, а я рванул сюда. Скоро дорогие гости пожалуют.

— Но они вроде должны были к полудню подъехать.

— Ты считаешь, что я не узнал князя Аркадия Дмитриевича?

— Так, стало быть. Понятно. Тогда коня в конюшню, и все по местам. Начинаем, как только подам сигнал, уроню шапку на землю. Разошлись быстро!

Преступники выполнили наказ своего главаря.

Через полчаса повозка, сопровождаемая двумя всадниками, въехала в открытые ворота. Из нее вышли князь Лаперин, его жена Екатерина с двухлетним сыном Демидом на руках и их пятнадцатилетняя дочь Дарья. Всадники соскочили с коней. Возница Анатолий Бобрик повел повозку к конюшне. Чибис закрыл ворота и отправился туда же, ведя в поводу коней охранников.

Табачник вышел вперед, снял шапку, поклонился и проговорил:

— Доброго здоровья вам, господа. Добро пожаловать в вотчину.

— Приветствую тебя, Богдан, — ответил князь. — Как тут дела?

— Слава богу, все хорошо.